

Научная статья

УДК 343.01

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.122-134

О нарушении системности в процессе формирования уголовно-правовых норм на примере ст. 187 УК РФ

Михаил Александрович Простосердов

*Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация
prosto_m_alex@mail.ru*

Аннотация

Введение. На основе актуальных изменений в ст. 187 Уголовного кодекса Российской Федерации показана одна из глобальных проблем действующего уголовного закона – проблема системности формирования уголовно-правовых норм. Автором предложен возможный вариант решения данной проблемы, заключающийся в применении математических методов при формировании новых положений уголовного закона.

Теоретические основы. Методы. Научная статья основывается на актуальных теоретических исследованиях системы Уголовного кодекса Российской Федерации, проблем уголовной ответственности за дропперство, а также интеграции математических методов в область уголовного права. Основными методами исследования выступают диалектический метод познания, метод анализа правовых документов, метод синтеза полученных результатов.

Результаты исследования. В работе сделан вывод, что в рамках одной ст. 187 УК РФ нормы уголовного закона согласованы, однако в рамках всего Уголовного кодекса Российской Федерации положения ст. 187 УК РФ нарушают принцип системности. Выявленная проблема относится не только к ст. 187 УК РФ, а является фундаментальной.

Обсуждение и заключение. В завершение работы в качестве одного из способов решения выявленной проблемы автор предлагает фундаментальный пересмотр процесса формирования уголовно-правовых норм путем внедрения в данный процесс математических методов (в частности, теоретико-графического метода).

Ключевые слова: система уголовного права, структура уголовного закона, проблемы уголовного права, неправомерный оборот средств платежей, теория графов, цифровое правосудие, цифровизация правосудия, правовое обеспечение цифрового правосудия

Благодарности: работа написана при поддержке Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева в рамках технического задания на тему «Правовое обеспечение цифрового правосудия».

Для цитирования: Простосердов М. А. О нарушении системности в процессе формирования уголовно-правовых норм на примере ст. 187 УК РФ // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 4. С. 122–134. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.122-134.

Original article

On the Violation of the System in the Process of Forming Criminal Law Norms, Using Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation as an Example

Mikhail A. ProstoseroV

*Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Moscow, Russian Federation
prosto_m_alex@mail.ru*

Abstract

Introduction. The scientific article, based on the current changes to Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation, shows one of the global problems of the current criminal law, which is the problem of the systematic formation of criminal law norms. The author proposes a possible solution to this problem, which is the use of mathematical methods in the formation of new provisions of the criminal law.

Theoretical Basis. Methods. The scientific article is based on current theoretical research in the field of the system of the Criminal Code of the Russian Federation, the problem of criminal liability for dropshipping, and the integration of mathematical methods into the field of criminal law. The main research methods are the dialectical method of cognition, the method of analyzing legal documents, and the method of synthesizing the results obtained.

Results. The work concludes that within the framework of one Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation, the norms of the criminal law are consistent, however, within the framework of the entire Criminal Code of the Russian Federation, the provisions of Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation violate the principle of consistency. The identified problem applies not only to Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation, but is fundamental.

Discussion and Conclusion. At the end of the paper, as one of the ways to solve the identified problem, the author proposes a fundamental revision of the process of forming criminal law norms by introducing mathematical methods (in particular, the theoretical and graphical method) into this process.

Keywords: criminal law system, structure of criminal law, problems of criminal law, illegal circulation of payment means, graph theory, digital justice, digitalization of justice, legal support for digital justice

Acknowledgments: the work was written with the support of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev as part of the technical task on the topic “Legal Support for Digital Justice”.

For citation: Prostoserdov, M. A. On the violation of the system in the process of forming criminal law norms, using Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation as an example. *Pravosudie/Justice.* 2025;7(4):122-134. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.122-134.

Введение

Федеральным законом от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» ст. 187 УК РФ «Неправомерный оборот средств платежей» была дополнена рядом новых положений, устанавливающих уголовную ответственность за передачу электронного средства платежа и (или) доступа к нему другому лицу для осуществления таким лицом неправомерных операций (ч. 3), за осуществление неправомерных операций с использованием электронного средства платежа по указанию другого лица (ч. 4), за приобретение электронного средства платежа и (или) доступа для осуществления неправомерных операций (ч. 5), а также за осуществление неправомерной операции с использованием электронного средства платежа (ч. 6). Указанные меры были введены законодателем в качестве меры противодействия такому явлению, как «дропперство» (от англ. drop – бросать), заключающееся в предоставлении преступникам, как правило за вознаграждение, доступа к своему банковскому счету либо банковской карте для совершения преступлений, например мошенничества (ст. 159 УК РФ), вымогательства (ст. 163 УК РФ) отмывания денежных средств (ст. 174 и 174.1 УК РФ), и осуществления иной противоправной деятельности.

Данные изменения в противодействии преступности безусловно значимы, при этом определенный интерес вызывает место указанных норм в структуре уголовного закона, в частности оценка законодателем общественной опасности данных преступлений, отнесение их к определенным категориям, а также установление определенных видов и размеров уголовных наказаний.

Покажем одну из глобальных, на наш взгляд, проблем действующего уголовного закона – проблему системности формирования уголовно-правовых норм; а также предложим возможный вариант решения данной проблемы, заключающийся в применении математических методов при формировании новых положений уголовного закона.

Теоретические основы. Методы

Вопросам системы уголовного закона Российской Федерации посвятили свои работы такие ученые в области уголовного права, как П. А. Агапов [1], А. Г. Безверхов [2], Д. В. Голенко [3], А. А. Середин [4], В. Н. Сизова [5], М. В. Феоктистов [6], Е. В. Щелконогова [7], и многие другие.

Проблемы уголовной ответственности за дропперство исследовались Н. В. Алесиной, Г. С. Мерекешевым, И. С. Голенцовой, С. А. Аблаевой [8], Е. А. Соколовой [9], У. И. Богацкой [10], М. М. Валитовым [11], О. В. Зайцевой [12], С. Л. Кисленко [13] и др.

Множество исследований проведено в сфере интеграции математических методов в область уголовного права, в частности, следует отметить работы И. М. Мацкевича [14], А. И. Петропавловского [15], М. А. Простосердова [16], Д. С. Терещенко [17], А. Д. Эткиной [17].

В настоящей работе на основе диалектического метода выявляются противоречия построения Особенной части Уголовного кодекса, анализируют-

ся проблемы его построения, влекущие появление бессистемности. Используя метод анализа правовых документов, можно сопоставить составы преступлений, предусмотренные ч. 3–6 ст. 187 УК РФ, с аналогичными по общественной опасности составами преступлений, а также со смежными составами преступлений. С помощью указанного метода также можно сопоставить санкции уголовно-правовых норм в ч. 3–6 ст. 187 УК РФ с санкциями смежных уголовно-правовых норм. Тем самым можно определить место преступлений, предусмотренных ч. 3–6 ст. 187 УК РФ, в структуре Особенной части УК РФ. Используя математические методы (в частности, теоретико-графический метод), можно смоделировать возможное место преступлений, предусмотренных ч. 3–6 ст. 187 УК РФ, в структуре уголовного закона. Сопоставив два полученных результата, можно сделать вывод о нарушении системности уголовного закона при введении новых уголовно-правовых норм.

Результаты исследования

Как верно отмечает П. А. Агапов, анализ изменений, которым подвержен в последнее время УК РФ, в целом ряде случаев свидетельствует об отсутствии системного подхода [1, с. 20]. Возникновение такого явления, как «бессистемность», – крайне негативный фактор для любой отрасли права, а если учитывать, что уголовное право затрагивает вопросы жизни и смерти, права и свободы человека, которые в соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации являются высшей ценностью, то возникновение бессистемности в уголовном праве сводит на нет его основную задачу – охрану прав и свобод человека (ст. 2 УК РФ).

Бессистемность как понятие является понятием противоположным понятию «системность» или «система». Под системой предлагаем понимать категорию, обозначающую объект, организованный в качестве целостности элементов, где энергия связей между элементами системы превышает энергию их связей с элементами других систем и задает онтологическое ядро системы. Энергия связей, в свою очередь, – это сила между отдельными элементами системы, их сочетаемость, синергичность, способность на какое-либо действие, активность [16, с. 235]. Таким образом, бессистемность означает отсутствие системы в объекте, элементы в котором должны быть связаны с определенной энергией, но либо такая связь отсутствует, либо нарушается. При бессистемности в объекте отсутствует системообразующий признак.

Если представить Особенную часть УК РФ в качестве системы, то в качестве элементов системы могут выступать уголовно-правовые нормы, включающие в себя диспозиции и санкции. Данные элементы должны быть связаны между собой определенным образом – так, чтобы связь была устойчивой (сочетаемой, синергичной, способной на какое-либо действие, активность). Например, между составами ч. 1 и 2 ст. 187 УК РФ присутствует вертикальная иерархическая связь, где состав ч. 1 ст. 187 УК РФ является основным, а состав ч. 2 ст. 187 УК РФ – квалифицированным (совершенные организованной группой). Эта связь неразрывно проявляется в санкциях указанных норм, где санкция ч. 1 ст. 187 УК РФ предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы до шести лет, а санкция ч. 2 ст. 187 УК РФ предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы до семи лет.

Наличие указанных связей позволяет однозначно определить, какое преступление является более общественно опасным и какое преступление более нака-

зумо. Соотношение общественной опасности преступлений с их наказуемостью находится в синергии: чем выше общественная опасность преступления, тем более оно наказуемо (и наоборот).

Дефектом системы, в данном контексте, может стать ситуация, когда санкция квалифицированного состава предусматривает более мягкое наказание. В рамках ст. 187 УК РФ подобная ситуация не прослеживается, однако действующий уголовный закон знает подобные примеры: в частности, санкция основного состава ч. 1 ст. 115 УК РФ предусматривает наказание в виде обязательных работ на срок до 480 часов, в то время как санкция квалифицированного состава ч. 2 ст. 115 – всего до 360 часов. Это не единственный пример: в санкции основного состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 148 УК РФ, предусмотрено основное наказание в виде штрафа в размере до 300 тыс. руб., в то время как в санкции квалифицированного состава ч. 4 ст. 148 УК РФ – всего до 200 тыс. руб. В другом случае санкция основного состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 151.2 УК РФ, предусматривает основное наказание в виде штрафа в размере от 50 тыс. до 80 тыс. руб., в то время как санкция квалифицированного состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 151.2 УК РФ, предусматривает основное наказание в виде штрафа в размере до 100 тыс. руб., без указания на нижний предел наказания, что фактически, на основании ст. 46 УК РФ, создает возможность назначения штрафа в размере от 5 тыс. руб.

При таких дефектах уже нельзя однозначно сказать, какое из преступлений более общественно опасно и более наказуемо, ибо теряется системообразующий признак, появляется бессистемность.

Кроме строгих иерархических вертикальных связей (например, связь основной/квалифицированный состав) существуют и горизонтальные связи, в которых иерархия может отсутствовать. Например, состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 131 УК РФ, безусловно связан с составом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 132 УК РФ, так как у них идентичны практически все признаки состава, кроме деяния, которые, в свою очередь, весьма схожи. Однако иерархии между ними нет: это проявляется и в санкциях указанных норм – они идентичны. Причем, это проявляется и в остальных частях (2–5) данных норм. Аналогичная ситуация проявляется и в ст. 174 и 174.1 УК РФ: их общественная опасность идентична и наказания также идентичны. Другими словами, выявляется состояние равенства или равновесия, что может стать фундаментальной основой для построения системы уголовного закона.

В рамках ст. 187 УК РФ можно говорить о пяти основных составах преступлений (ч. 1, 3–6) и одном квалифицированном составе (ч. 2). Указанный квалифицированный состав имеет связь только с одним из основных – составом ч. 1 ст. 187 УК РФ, в то время как составы ч. 3–6 не имеют с ним никаких прямых связей.

Однако составы ч. 3–6 ст. 187 УК РФ связаны с составом ч. 1 указанной статьи – это связь между разными основными составами преступлений. Связь обусловлена непосредственным объектом посягательства: все преступления посягают на нормальный оборот средств платежей (непосредственный объект), отношения в сфере экономической деятельности (видовой объект) и, следовательно, экономические отношения (родовой объект). Также следует учитывать, что у всех указанных составов преступлений один и тот же субъект (общий субъект, достигший возраста 16 лет) и сходные признаки субъективной стороны – все преступления умышленные.

При этом, в отличие от ситуации со ст. 131 и 132 УК РФ, составы ч. 1 и ч. 3–6 ст. 187 УК РФ предусматривают принципиально разные общественно опасные деяния, что существенным образом влияет на характер общественной опасности преступления и делает невозможным состояние равновесия между ними. Следовательно, нельзя приравнять наказания в санкциях ч. 1, 3–6 ст. 187 УК РФ.

Таким образом, между ч. 1 ст. 187 УК РФ и ч. 3–6 ст. 187 УК РФ присутствуют вертикальные связи, но эта связь иного рода, чем связи основного и квалифицированного состава, – это связь между смежными основными составами. Аналогичная ситуация проявляется, например, в ст. 212 УК РФ «Массовые беспорядки». Указанная статья предусматривает пять основных составов преступлений, где наиболее опасный состав – это состав ч. 1 ст. 212 УК РФ, а наименее опасный – состав ч. 3 указанной статьи.

Другой пример: состав ч. 1 ст. 161 УК РФ «Грабеж» предусматривает явно более общественно опасное деяние (открытое хищение чужого имущества), чем состав ч. 1 ст. 158 УК РФ «Кражा» (тайное хищение чужого имущества). Между ними нет связи основного и квалифицированного состава, это связь двух смежных основных составов, но эта связь является вертикальной. Эта связь проявляется и в наказаниях, так как она является синергичной.

Если выстроить составы ст. 187 УК РФ по наказанию, то это должно стать прямым отражением их общественной опасности. Проведя данную операцию, получаем следующее:

1) наименьшая санкция наказания предусмотрена ч. 3 и 4 ст. 187 УК РФ: оба преступления отнесены к категории преступлений небольшой тяжести, и у них идентичные санкции, предусматривающие штраф, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы, принудительные работы и лишение свободы на срок до трех лет (следовательно, можно предположить, что между этими двумя составами существует состояние равновесия по общественной опасности);

2) второй в аспекте санкций наказания является ч. 1 ст. 187 УК РФ – тяжкое преступление, которое наказывается принудительными работами и лишением свободы на срок до шести лет с обязательным штрафом;

3) третьей является ч. 5 ст. 187 УК РФ – тяжкое преступление, которое наказывается штрафом, принудительными работами или лишением свободы на срок до шести лет с факультативным штрафом, но в больших пределах, чем в ч. 1 указанной статьи;

4) четвертой является ч. 6 ст. 187 УК РФ – тяжкое преступление, которое наказывается принудительными работами с факультативным штрафом и лишением свободы на срок до шести лет с факультативным штрафом и факультативным ограничением свободы (в отличие от ч. 5, в санкции ч. 6 нет основного наказания в виде штрафа, а штраф в качестве дополнительного наказания установлен в больших размерах);

5) наиболее наказуемой стала ч. 2 ст. 187 УК РФ – тяжкое преступление, предусматривающее принудительные работы и лишение свободы на срок до семи лет с факультативным штрафом.

Таким образом, несмотря на сложную последовательность уголовно-правовых норм в рамках ст. 187 УК РФ, выстроить их от наименее к наиболее наказуемой можно, а следовательно, можно расположить и от наименее к наиболее опасной. При этом если проанализировать указанные нормы по признакам состава преступления, то, на наш взгляд, эти последовательности совпадут.

Теперь проанализируем горизонтальные связи между ст. 187 УК РФ и другими статьями главы 22 УК РФ.

У санкций ч. 3 и 4 ст. 187 УК РФ в рамках главы 22 УК РФ прямых аналогов нет. Наиболее схожи с ними санкции ч. 1 ст. 195 и ч. 1 ст. 200.5 УК РФ (однако данные преступления более наказуемы, так как предусматривают основной штраф в больших размерах и дополнительный штраф к лишению свободы) и санкция ч. 1 ст. 179 УК РФ (менее наказуемое преступление, так как предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет, а не до трех). В рамках остальных норм Особенной части УК РФ у ч. 3 и 4 ст. 187 УК РФ также аналогов нет: формально предусмотренные указанными частями наказания больше, чем ч. 4 ст. 234 УК РФ, и меньше, чем ч. 2 ст. 215.3 УК РФ.

У санкции ч. 1 ст. 187 УК РФ в рамках главы 22 УК РФ прямых аналогов также нет. Формально размер предусмотренного ею наказания меньше, чем санкция ч. 2 ст. 178 УК РФ (у последней более строгие дополнительные виды наказаний), и больше, чем санкция, установленная ст. 197 УК РФ (так как в последней есть основной штраф, а дополнительный штраф указан в меньших пределах). В рамках всего Кодекса размер санкции по ч. 1 ст. 187 УК РФ больше, например, чем санкция ч. 1 ст. 127.1 УК РФ «Торговля людьми», но меньше, чем установленная ч. 2 ст. 274.1 УК РФ (по признаку дополнительного штрафа в размере заработной платы).

Санкция ч. 5 ст. 187 УК РФ в рамках главы 22 УК РФ сходна с санкцией ч. 4 ст. 180 УК РФ «Незаконное использование средств индивидуализации товаров организованной группой лиц» (хотя последняя имеет признак дополнительного штрафа). В рамках норм всего уголовного закона наиболее близка к санкции ч. 5 ст. 187 УК РФ санкция ч. 2 ст. 238 УК РФ (однако диспозиция указанной нормы предусматривает в качестве признака состава преступления смерть человека).

Санкция ч. 6 ст. 187 УК РФ сходна с санкцией ч. 2 ст. 178 УК РФ, но при этом ч. 2 ст. 178 не предусматривает дополнительное наказание в виде ограничения свободы, которое есть в санкции ч. 6 ст. 187 УК РФ. Формально санкция ч. 6 ст. 187 УК РФ предусматривает больший размер наказания, чем санкции ч. 2 ст. 240 УК РФ. Так, в рамках ч. 6 ст. 187 УК РФ можно назначить одновременно три наказания: лишение свободы на срок шесть лет со штрафом в размере один миллион рублей и с ограничением свободы на срок два года. В то время как в рамках ч. 2 ст. 240 УК РФ можно назначить максимум лишение свободы на срок шесть лет с ограничением свободы на срок два года, а дополнительный штраф назначить невозможно (см. ч. 4 ст. 46 УК РФ).

Санкция ч. 2 ст. 187 УК РФ имеет полные аналоги в главе 22 УК РФ: данная санкция идентична санкции ч. 2 ст. 172 УК РФ «Незаконная банковская деятельность» и санкции ч. 5 ст. 191 УК РФ «Незаконный оборот янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней, драгоценных металлов, драгоценных камней либо жемчуга». При этом в рамках всего УК РФ санкция ч. 2 ст. 187 УК РФ предусматривает больший размер наказания, чем санкция ч. 3 ст. 215.2 УК РФ «Приведение в негодность объектов жизнеобеспечения, повлекшее по неосторожности смерть человека».

Проведенный анализ демонстрирует, что в рамках одной ст. 187 УК РФ нормы согласованы как по признаку общественной опасности, так и по признаку наказуемости, однако в рамках всего УК РФ положения ст. 187 находятся не на своем месте.

Складываются парадоксальные ситуации: ненасильственный состав преступления (осуществление неправомерной операции с использованием электронного средства платежа, совершенной лицом, не являющимся стороной договора об использовании этого электронного средства платежа, заключенного с оператором по переводу денежных средств, – ч. 6 ст. 187 УК РФ) является более наказуемым, а следовательно, более общественно опасным, чем насильственный квалифицированный состав преступления (вовлечение в занятие проституцией или принуждение к продолжению занятия проституцией с применением насилия или с угрозой его применения – ч. 2 ст. 240 УК РФ). Материальный состав преступления с двумя формами вины (а следовательно, на основании ст. 27 УК РФ в целом умышленный) – выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, повлекшее по неосторожности смерть человека (ч. 2 ст. 238 УК РФ), – является менее наказуемым, чем приобретение либо передача другому лицу из корыстной заинтересованности электронного средства платежа (ч. 5 ст. 187 УК РФ).

Установленная проблема относится не только к ст. 187 УК РФ: аналогичные несогласованности выявляются по всему Уголовному кодексу Российской Федерации. Так, доведение до самоубийства путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего (ч. 1 ст. 110 УК РФ) наказывается мягче, чем ненасильственное склонение к совершению самоубийства путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом (ч. 4 ст. 110.1 УК РФ). Другой пример: обещание или предложение посредничества во взяточничестве в значительном размере (ч. 5 ст. 291.1 УК РФ) наказывается строже не только чем само посредничество во взяточничестве в значительном размере (ч. 5 ст. 291.1 УК РФ), но и само получение взятки в значительном размере (ч. 2 ст. 290 УК РФ). Таким образом, можно заключить, что выявленная проблема является фундаментальной.

Возможным решением данной проблемы, на наш взгляд, может стать только фундаментальный пересмотр процесса формирования уголовно-правовых норм, например, путем внедрения в данный процесс математических методов. Одним из таких методов является теоретико-графический метод.

Теория графов – область дискретной математики, особенностью которой является геометрический подход к изучению объектов и связей между ними. Граф – математический объект, состоящий из двух множеств. Одно из них – любое конечное множество, его элементы называются вершинами графа. Другое множество состоит из пар вершин, эти пары называются ребрами графа. Упрощенно можно сказать, что вершинами обозначаются определенные объекты, а ребрами – связи между объектами. Таким образом, *граф* – это система взаимосвязанных между собой различных элементов, состоящих из объектов и связей, каждые из которых имеют строгое математическое выражение, подчиняются математическим законам и представлены в графическом виде. Теория графов позволяет описать множество объектов, множество взаимосвязей между объектами, их свойства, а также доказать определенные закономерности в этих множествах объектов и взаимосвязей. В качестве объектов (вершин) в нашем случае могут выступать составы преступлений, выраженные в конкретных статьях (либо частях статей) Особенной части УК РФ. Связи (ребра) в нашем случае будут представлены в виде отношений составов преступлений друг к другу [16, с. 333–335].

Теория графов может быть внедрена и в науку уголовного права. Так, Л. В. Набоков и В. М. Тюрин уже исследуют вопрос формирования математической теории графов и модели квалификации насильственных корыстных преступлений, совершаемых несовершеннолетними [19], Б. А. Торопов, И. В. Гурлев и В. Б. Коробко разрабатывают теоретико-графовую модель анализа общественной опасности распространяемой экстремистской информации [20]. Теория графов также нашла свое применение в процессе формирования уголовно-правовых санкций и разработке теории санкций [16]. Кроме того, применение теории графов в уголовном праве может способствовать его цифровой трансформации и стать существенным шагом в сторону цифрового правосудия [21].

Обсуждение и заключение

Основываясь на изложенном, можно сделать следующие выводы:

- 1) в действующем уголовном законе выявлена проблема бессистемности введения новых уголовно-правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность за новые составы преступлений;
- 2) выявленная проблема является не частным случаем, а фундаментальной проблемой, требующей пересмотра устоявшегося процесса формирования уголовно-правовых норм;
- 3) решением данной проблемы могло бы стать внедрение математических методов в процесс формирования уголовно-правовых норм;
- 4) одним из возможных методов может стать теоретико-графический метод, заключающийся в формировании графа общественно опасных деяний, учитывающего составы преступлений в качестве вершин графа, а также вертикальные и горизонтальные связи между данными составами в качестве ребер данного графа;
- 5) сформированный график общественно опасных деяний может стать ориентиром для введения новых уголовно-правовых норм и пересмотра действующих положений уголовного закона.

Список источников

1. Агапов П. Бессистемность как дефект текущего уголовно-правового регулирования // Системность в уголовном праве : материалы II Рос. Конгресса уголов. права (Москва, 31 мая – 1 июня 2007 г.). М. : Проспект, 2007. С. 20–21.
2. Безверхов А. Г. Системный подход в науке уголовного права // Системность в уголовном праве : материалы II Рос. Конгресса уголов. права (Москва, 31 мая – 1 июня 2007 г.). М. : Проспект, 2007. С. 50–54.
3. Голенко Д. В. О тенденциях развития Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 4. С. 26–29. DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-4-26-29.
4. Середин А. А. Системность уголовного закона: фундаментальное требование или фантом? // Ius Publicum et Privatum. 2021. № 2 (12). С. 91–95. DOI: 10.46741/2713-2811-2021-2-91-95.

5. Сизова В. Н. Российское уголовное законодательство: вопросы системного построения // Правда и закон. 2025. № 2 (32). С. 16–23.
6. Феоктистов М. В. Системность и бессистемность уголовного закона // Системность в уголовном праве : материалы II Рос. Конгресса уголов. права (Москва, 31 мая – 1 июня 2007 г.). М. : Проспект, 2007. С. 426–429.
7. Щелконогова Е. В. О системе особенной части Уголовного кодекса РФ // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 3 (111). С. 31–40. DOI: 10.34076/2410-2709-2019-3-31-40.
8. Алесина Н. В., Мерекешев, Г. С., Голенцова И. С., Аблаева С. А. Современная экономическая преступность и средства противодействия // Актуальные вопросы учета и управления в условиях информационной экономики. 2023. № 5. С. 453–458.
9. Соколова Е. А. Финансовая безопасность личности: современные вызовы уголовно-правовой политики // Проблемы уголовной ответственности и наказания : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова, Рязань, 24 мая 2024 г. Рязань : Акад. права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. С. 119–123.
10. Богацкая У. И. Особенности привлечения к уголовной ответственности дропов за совершение преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра : материалы ежегод. Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 7–8 июня 2024 г. СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2024. С. 51–54.
11. Валитов М. М. Ответственность дропперов // Уголовно-процессуальное и технико-криминалистическое обеспечение для борьбы с киберпреступлениями в современном обществе, Тамбов, 10 дек. 2024 г. М. : Пере, 2025. С. 17–21.
12. Зайцева О. В. Уголовная ответственность дропперов: за и против // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 6 (161). С. 138–146. DOI: 10.24412/2227-7315-2024-6-138-146.
13. Кисленко С. А., Фокин А. Д. Мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий как угроза национальной безопасности Российской Федерации // European and Asian Law Review. 2025. Т. 8, № 1. С. 41–54. DOI: 10.34076/27821668_2025_8_1_41.
14. Мацкевич И. М. Геометрия уголовного закона // Lex russica. 2018. № 9 (142). С. 9–22.
15. Петропавловский А. И. Логико-математическое обоснование поиска справедливого наказания осужденному как критерий истинности (на примере назначения наказания выше высшего предела) // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2019. Т. 2, № 4. С. 185–192.
16. Простосердов М. А. Теория санкций в уголовном праве России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2024. 743 с.
17. Терещенко Д. С. Юридическая ответственность: проблемы переосмысления традиционного представления // Антиномии. 2022. Т. 22, № 1. С. 109–130. DOI: 10.17506/26867206_2022_22_1_109.

18. Простосердов М. А., Эткина А. Д. Проблемы цифровой трансформации уголовного права // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права: научные труды кафедры уголовного права : сб. науч. тр. М. : РГУП им. В. М. Лебедева, 2024. С. 46–52.
19. Набоков Л. В., Тюрин В. М. Математическая теория графов и модель квалификации насильственных корыстных преступлений, совершаемых несовершеннолетними // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 1 (59). С. 149–155.
20. Торопов Б. А., Гурлев И. В., Коробко В. Б. Теоретико-графовая модель анализа общественной опасности распространяемой экстремистской информации // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44). С. 200–204.
21. Простосердов М. А. Об интеграции положений теории графов в уголовном праве России // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона : сб. материалов XII Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 20 ноября 2024 г. М. : РГУП им. В. М. Лебедева, 2025. С. 184–190.

References

1. Agapov, P. Systemlessness as a defect of current criminal law regulation. *Systemicity in criminal law*. Materials of the II Russian Congress of Criminal Law (Moscow, May 31 – June 1, 2007). Moscow: Prospekt; 2007. Pp. 20–21. (In Russ.)
2. Bezverkhov, A. G. System approach in the science of criminal law. *Systemicity in criminal law*. Materials of the II Russian Congress of Criminal Law (Moscow, May 31 – June 1, 2007). Moscow: Prospekt; 2007. Pp. 50–54. (In Russ.)
3. Golenko, D. V. Development trends of the special part of the Criminal Code of the Russian Federation. *Juridical Journal of Samara University*. 2021;7(4):26–29. (In Russ.) DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-4-26-29.
4. Seredin, A. A. The systemacy of the criminal law: fundamental requirement or phantom? *Ius Publicum et Privatum*. 2021;(2):91–95. (In Russ.) DOI: 10.46741/2713-2811-2021-2-91-95.
5. Sizova, V. N. Russian criminal legislation: issues of systemic construction. *Pravda i zakon = Truth and Law*. 2025;(2):16–23. (In Russ.)
6. Feoktistov, M. V. Systemicity and unsystemicity of the criminal law. *Systemicity in criminal law*. Materials of the II Russian Congress of Criminal Law (Moscow, May 31 – June 1, 2007). Moscow: Prospekt; 2007. Pp. 426–429. (In Russ.)
7. Shchelkonogova, E. V. On the system of the special part of the Criminal Code of the Russian Federation. *Rossijskoe pravo. Obrazovanie, praktika, nauka = Russian Law: Education, Practice, Science*. 2019;(3):31–40. (In Russ.) DOI: 10.34076/2410-2709-2019-3-31-40.
8. Alesina, N. V., Merekeshov, G. S., Golentsova, I. S., Ablaeva, S. A. Modern economic crime and countermeasures. *Actual Issues of Accounting and Management in the Information Economy*. 2023;(5):453–458. (In Russ.)

9. Sokolova, E. A. Financial security of an individual: modern challenges of criminal law policy. *Problems of criminal responsibility and punishment*. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of professors V. A. Eleonsky and N. A. Ogurtsov, Ryazan, May 24, 2024. Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service; 2024. Pp. 119–123. (In Russ.)
10. Bogatskaya, U. I. Features of criminal liability for crimes committed using information and telecommunication technologies. *Criminal legislation: yesterday, today, and tomorrow*. Proceedings of the Annual International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, June 7–8, 2024. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2024. Pp. 51–54. (In Russ.)
11. Valitov, M. M. Responsibility of droppers. *Criminal procedural and technical-criminalistic support for combating cybercrimes in modern society*. Tambov, December 10, 2024. Moscow: Pero; 2025. Pp. 17–21. (In Russ.)
12. Zaitseva, O. V. Criminal liability of droppers: pros and cons. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2024;(6):138–146. (In Russ.) DOI: 10.24412/2227-7315-2024-6-138-146.
13. Kislenko, S. L., Fokin, F. D. Fraud using information and telecommunication technologies as a threat to the national security of the Russian Federation. *European and Asian Law Review*. 2025;8(1):41–54. (In Russ.) DOI: 10.34076/27821668_2025_8_1_41.
14. Matskevich, I. M. The geometry of the criminal law. *Lex Russica*. 2018;(9):9–22. (In Russ.)
15. Petropavlovsky, A. I. Logic and mathematical rationale of search for a just punishment to the condemned as a criterion of truth (by example purpose of punishment above the top). *Vestnik of Volzhsky University named after V. N. Tatishchev*. 2019;2(4):185–192. (In Russ.)
16. Prostoserdov, M. A. *The theory of sanctions in Russian criminal law*. Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2024. 743 p. (In Russ.)
17. Tereshchenko, D. S. Legal responsibility: problems of rethinking the traditional view. *Antinomies*. 2022;22(1):109–130. (In Russ.) DOI: 10.17506/26867206_2022_22_1_109.
18. Prostoserdov, M. A., Etkina, A. D. Problems of digital transformation of criminal law. *Actual problems of criminal law, criminology, and penal enforcement law: scientific papers of the Department of Criminal Law*. Collection of scientific papers. Moscow: Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev; 2024. Pp. 46–52. (In Russ.)
19. Nabokov, L. V. The mathematical theory of counts and model of qualification of the violent crimes for profit committed by minors. *Social-Economic Phenomena and Processes*. 2014;(1):149–155. (In Russ.)
20. Toropov, B. A., Gurlev, I. V., Korobko, V. B. Public danger of extremist information spread analisys, based on graph-theoretic model. *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017;(4):200–204. (In Russ.)

21. Prostoserdov, M. A. On the integration of the graph theory provisions in Russian criminal law. *Actual problems of the theory and practice of applying criminal law*. Collection of materials of the XII International Scientific and Practical Conference, Moscow, November 20, 2024. Moscow: Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev; 2025. Pp. 184–190. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Простосердов Михаил Александрович, доктор юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой уголовного права, профессор кафедры уголовного права Российской государственной университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, Новочеремушкинская ул., д. 69).

Mikhail A. Prostoserdov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Criminal Law Department, Professor at the Criminal Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 22.08.2025; одобрена после рецензирования 09.09.2025; принята к публикации 24.11.2025.

The article was submitted 22.08.2025; approved after reviewing 09.09.2025; accepted for publication 24.11.2025.